Н. Абрамовъ.

ДАРЪ СЛОВА.

Выпускъ четвертый.

ИСКУССТВО ПРОИЗНОСИТЬ РѢЧИ.

Какъ составляется рѣчь.—Амплификація.—Антитеза.— Эпитеты. — Произношеніе. — Ораторская лихорадка. — Передъ рѣчью.—Мимика.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типо-Литографія I. Лурье и К°. Гороховая ул. 48.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Какъ составляется рѣчь.

Хотя это не входитъ въ программу настоящаго выпуска, имѣющаго дѣло съ искусствомъ *произносить* рѣчи, но, для полноты впечатлѣнія, мы считаемъ не лишнимъ въ самыхъ краткихъ словахъ коснуться и сочинительской части, тѣмъ болѣе, что въ ораторѣ декламаторъ долженъ соединяться съ сочинителемъ.

Рѣчи могутъ быть раздѣлены на два разряда, различающіеся между собой по цѣли: на рѣчи частныя, застольныя, и на рѣчи общественныя. Для рѣчей застольныхъ или произносимыхъ въ небольшихъ частныхъ кружкахъ не можетъ быть опредѣленныхъ правилъ или строго установленныхъ законовъ. Эффектъ рѣчи зависитъ и отъ личности говорящаго и отъ состава слушателей и отъ взаимнаго отношенія говорящаго къ слушателямъ. Такія рѣчи имѣютъ единственной цѣлью — болѣе или менѣе серьезнымъ образомъ развлечь публику. Здѣсь импровизація почти обязательна. Чѣмъ ближе рѣчь подходитъ къ разговору, чѣмъ болѣе она непринужденна, тѣмъ она умѣстнѣе. Должно быть соблюдаемо только одно условіе: рѣчь должна гармонировать съ обстоятельствами; тема должна всѣхъ интересовать и форма не должна никого шокировать; рѣчь не должна быть длинна; одна и та же мысль не должна безконечно пережевываться, повторяться въ ней на тысячу ладовъ.

Гораздо серьезнѣе обстоитъ дѣло съ другимъ родомъ рѣчей, — носящихъ общественный характеръ. Здѣсь ораторъ старается влiять на энергію своей аудиторіи, старается опредѣлить, направить ея волю; съ одной стороны онъ желаетъ убѣдить своихъ слушателей или научить ихъ чему нибудь, а съ другой ему нужно держать въ постоянномъ напряженіи ихъ фантазію, ихъ воображеніе, дабы они всецѣло были въ его рукахъ. Его положеніе гораздо труднѣе положенія писателя. Когда мы въ писанномъ сочиненіи чего либо не понимаемъ, мы перечитываемъ это мѣсто; мы останавливаемся на немъ; когда что-либо насъ

не интересуетъ, мы это пропускаемъ. По отношенію къ ораторской рѣчи мы такъ поступать не можемъ. Здѣсь мы должны все понимать, здѣсь все должно насъ интересовать. Ораторъ вслѣдствіе этого долженъ совмѣщать въ себѣ и прозаика, и поэта. Какъ у прозаика, его рѣчь должна быть правильна и благозвучна, она должна сочетать единство съ разнообразіемъ, должна заключать правильное распредѣленіе свѣта и тѣни, ей необходимо отличаться благородствомъ, достоинствомъ, силой, живостью, легкостью, остроуміемъ. Какъ у поэта, языкъ его долженъ дѣйствовать на наши чувства, долженъ изобиловать фигурами, тропами, долженъ возвышаться до неожиданно-смѣлаго возвышеннаго и торжественнаго. Въ отношеніи раздѣленія и расположенія частей рѣчи ораторъ долженъ соблюдать тѣ же законы, которые существуютъ для другихъ сочиненій: введеніе, изложеніе и заключеніе [1]).

Помимо этихъ общихъ требованій къ личности оратора предъявляются еще особенныя, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ писанныхъ сочиненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ мыслями, автора которыхъ мы не видимъ, а здѣсь мы имѣемъ передъ собой не только мысли, но и автора. Разумѣется, мысли и авторъ ихъ должны быть въ извѣстномъ соотвѣтствіи. Прежде всего необходимо, чтобы представленія автора были вполнѣ ясны и опредѣленны, чтобы въ его чувствахъ сквозили искренность, чистота и теплота, а его стремленія обнаруживали нравственную, возвышенную цѣль. Оратору скрыть это гораздо труднѣе, нежели невидимому писателю. Кромѣ того, Квинтиліанъ требуетъ отъ оратора, чтобы онъ вообще внушалъ слушателямъ довѣріе, т. е. чтобы онъ былъ хорошимъ человѣкомъ вообще. Хотя это требованіе въ сущности выходитъ за предѣлы искусства произносить рѣчи, но нельзя не согласиться, что эффектъ рѣчи зависитъ въ большей степени отъ довѣрія слу-

---

[1]) По Цицерону, первая часть (exordium) имѣетъ цѣлью сдѣлать слушателя благоволящимъ, внимательнымъ и послушнымъ (benevolum, attentum, docilem) и распадается въ свою очередь на три части: 1) captatio benevolentiae, когда ораторъ обращается къ чувству слушателя и старается пріобрѣсти его благосклонность; 2) narratio facti, сообщеніе фактическаго повода рѣчи, чѣмъ возбуждается вниманіе слушателя, и 3) expositio, изложеніе основной мысли, которая подробно разсматривается во второй части рѣчи, disputatio. Обѣ послѣднія части опять-таки раздѣляются на болѣе мелкія дѣленія. Конечно, не та рѣчь самая лучшая, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ риторической схемѣ, а та, которая исходитъ изъ сердца, излагаетъ предметъ наиболѣе ярко и точно и говоритъ уму и чувству слушателей.

шателей къ оратору, его личныхъ качествъ, положенія, славы и т. п., нежели отъ тѣхъ искусственныхъ пріемовъ, какіе мы можемъ предложить въ настоящей книжкѣ. Поэтому мы всюду предполагаемъ оратора, къ которому довѣріе слушателей не подорвано, къ которому они совершенно безпристрастны, такъ что эффектъ рѣчи зависитъ исключительно отъ содержанія и формы ея. Для того, чтобы рѣчь производила надлежащее впечатлѣніе, она должна быть проникнута той теплотой, о которой такъ хорошо выразился апостолъ Павелъ; „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій“ (1 Кор. 13, 1).

Но кромѣ внутренней теплоты ораторъ долженъ обладать глубокимъ знаніемъ людей, особенно своихъ слушателей. Онъ долженъ быть знатокомъ человѣческаго сердца съ его свѣтовыми и тѣневыми сторонами, съ его достоинствами и слабостями; онъ долженъ быть знакомъ съ духомъ вѣка, въ которомъ живетъ, и понимать его стремленія, долженъ умѣть прозрѣвать будущее на основаніи настоящаго. Что онъ долженъ въ совершенствѣ владѣть языкомъ и обладать звучнымъ и яснымъ органомъ рѣчи, разумѣется само собой.

Что касается отдѣльныхъ видовъ рѣчей, то различаются:

1) *Духовная или церковная рѣчь.* Цѣль ея дать слушателю религіозное назиданіе, склонить его къ истинному благочестію. Имѣя дѣло съ вѣрующими, духовная рѣчь исходитъ изъ слова Божія, какъ непререкаемой аксіомы, примѣняя его въ цѣляхъ назиданія къ жизни, духу и настроенію слушателей.

2) *Политическая рѣчь.* Содержаніе ея почерпнуто изъ обширнаго круга общей государственной жизни. Она имѣетъ смыслъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ государственная жизнь регулируется народомъ и его представителями въ болѣе или менѣе значительной степени. Ораторъ долженъ быть знакомъ съ ходомъ государственной машины, съ пользами и убытками страны, долженъ обнаруживать истинную преданность ея интересамъ въ связи съ государственной мудростью и высшей предусмотрительностью. Политическое краснорѣчіе въ Россіи не получило еще должнаго развитія вслѣдствіе существовавшей формы правленія. Съ учрежденіемъ Государственной Думы политическая рѣчь получила права гражданства, причемъ самая Дума является могучей школой политическаго краснорѣчія. Думскія стенограммы, достигая при посредствѣ газетъ отдаленнѣйшихъ уголковъ на-

шего отечества, вліяютъ не только на политическое развитіе народа, но и на развитіе языка, дѣлая его болѣе гибкимъ въ ораторскомъ отношеніи. Избирательныя кампаніи и партійная жизнь создаютъ политическихъ ораторовъ. Блѣдное подобіе политическихъ рѣчей мы имѣемъ въ ораторскихъ упражненіяхъ городскихъ думскихъ гласныхъ, вращающихся въ узкомъ кругу, главнымъ образомъ, экономическихъ вопросовъ. Еще уже кругъ рѣчей на общественныя темы въ различныхъ обществахъ. Объ этихъ рѣчахъ см. „Даръ Слова“, вып. 7: „Искусство вести засѣданія“.

3) *Судебная рѣчь.* Это рѣчь сторонъ, защитниковъ, судьи. Она имѣетъ цѣлью направить и опредѣлить приговоръ. Ораторъ долженъ не только убѣдить судъ въ справедливости своихъ утвержденій, но долженъ такъ вліять на духъ судей, чтобы они чувствовали моральную подкладку его стараній.

4) *Научная рѣчь.* Главнымъ представителемъ этого рода являются лекціи или, что почти то же самое, публичныя чтенія по разнымъ научнымъ и философскимъ вопросамъ. Единственная цѣль этихъ рѣчей — научить слушателей чему нибудь новому, разъяснить имъ неизвѣстное. Здѣсь болѣе важны пріемы педагогическіе, нежели ораторскіе.

Другія рѣчи не поддаются точной группировкѣ. Сюда относятся возраженія, надгробныя рѣчи (панегирики), юбилейныя, привѣтственныя, напутственныя, военныя рѣчи (модныя въ древности) и проч. Всѣ онѣ произносятся въ болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ, нѣкоторыя образуютъ переходъ отъ рѣчей къ разговору. Ихъ внѣшняя форма опредѣляется отчасти обстоятельствами, отчасти существующими обычаями. Ихъ цѣль какъ и всѣхъ рѣчей—привлечь вниманіе и сочувствіе слушателей, или, какъ говоритъ Цицеронъ, „поучать, нравиться и трогать“.

ГЛАВА II.

Амплификація.

Къ спеціальнымъ рессурсамъ ораторскаго искусства, которыми долженъ умѣть пользоваться ораторъ при своемъ изложеніи, принадлежатъ: амплификація и антитеза.

Амплификація или распространеніе, есть, въ общепринятомъ значеніи этого слова, чисто стилистическое развитіе идеи путемъ украшеній, повтореній и эпитетовъ, придающихъ рѣчи больше силы и выразительности. Это—наростаніе словъ, въ большинствѣ

случаевъ не касающееся вовсе глубины самаго предмета. Амплификація есть дѣло упражненія. Упражняться можно надъ любой фразой любого писателя со „Словаремъ синонимовъ" въ рукахъ, и подобному упражненію нельзя отказать въ серьезномъ значеніи для образованія стиля.

Но для цѣлей ораторской рѣчи амплификація имѣетъ гораздо меньшее, можно, пожалуй, сказать, отрицательное значеніе. Ибо истинное распространеніе предмета есть углубленіе его, объясненіе недостаточно объясненнаго, освѣщеніе темнаго, образованіе двухъ идей изъ одной, перемѣна точки зрѣнія. Загромождать свой стиль повтореніями, ничего не прибавляющими эпитетами и синонимами значитъ быть водянистымъ, значитъ лишать свою рѣчь силы, которая дается исключительно сжатостью. Квинтиліанъ правильно сравниваетъ фразу, загроможденную прилагательными и нарѣчіями, съ арміей, гдѣ каждый солдатъ имѣетъ позади себя слугу. Едва ли съ такой арміей можно достигнуть большихъ побѣдъ.

Королемъ амплификаціи является Цицеронъ. Онъ сдѣлалъ изъ нея великій принципъ ораторскаго искусства. „Смыслъ краснорѣчія, говоритъ онъ въ статьѣ De oratore, состоитъ въ распространеніи предмета посредствомъ украшеній". Для Цицерона амплификація была искусствомъ возвеличивать или украшать предметы, мысли, аргументы, картины. Рекомендуемое Цицерономъ и характеризующее его талантъ распространеніе есть просто на просто нагроможденіе словъ, топтаніе на мѣстѣ, злоупотребленіе оттѣнками выраженій и синонимами. Правда, у Цицерона мы замѣчаемъ геніальную находчивость на слова, на неожиданные нюансы, и этимъ его краснорѣчіе достигало большихъ эффектовъ: но легко видѣть опасность, которую представляетъ подобная амплификація для обыкновеннаго таланта. Цицеронъ — виртуозъ, исполняющій варіаціи: онъ украшаетъ, онъ повторяетъ, онъ разнообразитъ, онъ исчерпываетъ свой языкъ, онъ почти злоупотребляетъ присущей ему эффектной многорѣчивостью, ведущей къ повтореніямъ. Онъ выступаетъ за берега, потому что онъ полонъ. Но обыкновенно обиліе словъ рѣдко выражаетъ сильную душу. Амплификація, рекомендуемая Цицерономъ и состоящая въ повтореніи подобнымъ идей, только тогда производитъ эффектъ, когда краски постепенно усиливаются, сгущаются; если же всѣ мысли — одного творчества, одной интенсивности, если въ выраженіи ихъ нѣтъ crescendo, то это чисто риторическая работа, имѣющая

смыслъ развѣ что у виртуоза, у художника, чарующаго насъ красотой формы, которой онъ владѣетъ въ совершенствѣ.

Приведемъ примѣръ цицероновской амплификаціи. Рѣчь идетъ о побѣдителѣ:

Его слава будетъ вѣчно замарана кровью. Можетъ быть, какой нибудь безумецъ воспоетъ его побѣды, но провинціи, города, деревни будутъ ихъ оплакивать. Ему воздвигнутъ великолѣпные памятники, чтобы обезсмертить его завоеванія; но пепелъ столькихъ городовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ; но развалины столькихъ деревень, лишенныхъ прежней красоты; но руины столькихъ стѣнъ, подъ которыми похоронены мирные граждане; но столько бѣдствій, остающихся послѣ него, — будутъ печальными памятниками, которые обезсмертятъ его пустоту и его безуміе.

Примѣръ Цицерона погубилъ много ораторскихъ талантовъ. Подражать Цицерону очень легко, нужно только набить руку на составленіи синонимическихъ примѣровъ (см. Даръ Слова", вып. I стр. 33), но на этомъ пути оратора ожидаютъ безсодержательность словъ, незначительность мыслей, ложное величіе, торжественныя словоизліянія, — всѣ тѣ изящныя клише, которыя дѣлаютъ неудобочитаемыми $^3/_4$ проповѣдей и рѣчей нашего времени. Лучшіе ораторы привыкаютъ къ этому способу говоренія и нерѣдко послѣ часовой рѣчи, наполненной самыми красивыми и звучными словами, вы не въ состояніи подмѣтить у оратора ни одной мысли, у васъ отъ рѣчи ничего не осталось. Ибо подобная амплификація, повторяющая одну и ту же идею на всевозможные лады, въ концѣ концовъ не есть краснорѣчіе: она не имѣетъ силы. Сила зависитъ отъ сжатости, отъ внутренней энергіи. Истинное краснорѣчіе, какъ выразился Паскаль, смѣется надъ краснорѣчіемъ (элоквенціей).

Вотъ почему амплификаціей въ цицероновскомъ смыслѣ надо пользоваться съ крайней осторожностью. Самъ Цицеронъ, достигнувъ зрѣлости таланта, упрекалъ себя (въ рѣчи за Росція) въ этой амплификаціи, которую онъ приписывалъ увлеченію молодости.

Прямую противоположность Цицерону представляетъ въ этомъ отношеніи Демосѳенъ. Онъ не признавалъ говоренія, какъ искусства внѣшняго распространенія сюжета. Всѣ силы свои онъ употребляетъ только на доказательства. Въ каждомъ предложеніи обнаруживается его пренебреженіе къ ораторскому эффекту. Его рѣчи это—литературная геометрія: ни одного общаго мѣста, ни одного вымученнаго слова, ничего дѣланнаго. Не ищите у него украшеній: тамъ имѣются только доводы. Аргументы и доказа-

тельства скрещиваются, подталкиваютъ другъ друга, стремительно бѣгутъ передъ нашими глазами, выбрасывая на ходу восхитительныя блестки антитезъ, и вы очарованы, вы чувствуете, что это—искусство, великое искусство, исходящее изъ глубины сюжета, а не изъ словъ. Демосѳенъ кажется сухимъ тамъ, гдѣ другой бы блисталъ; онъ сокращаетъ себя тамъ, гдѣ другой не преминулъ-бы распространиться; онъ довольствуется тѣмъ, что онъ правъ, что онъ побѣдилъ, не требуя своимъ доводамъ тріумфа. Вы чувствуете, что онъ это дѣлаетъ нарочно, что онъ презираетъ помощь формы, которая у него такъ тонка, такъ изящна въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ снисходитъ до пользованія ею. Онъ не ищетъ эффекта и тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ его. Ибо онъ убѣждаетъ не словами, не стилемъ, а доводами; онъ не очаровываетъ, а увлекаетъ, не ослѣпляетъ, а просто неопровержимъ.

Отчего—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ филиппикъ,—отчего Филиппъ успѣлъ больше, чѣмъ мы въ предшествующей войнѣ? Сказать откровенно, оттого что онъ постоянно во главѣ своего войска, командуя лично, подвергаетъ себя всѣмъ непріятностямъ, идетъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, не обращая вниманія на времена года, пользуется всякимъ случаемъ, въ то время какъ мы,—не будемъ этого скрывать отъ себя,—пребываемъ здѣсь въ лѣнивой бездѣятельности, сочиняемъ приказы, и распрашиваемъ другъ у друга на площади: что новаго? какъ будто можетъ быть что-либо новѣе того, что какой-нибудь македонянинъ относится пренебрежительно къ Аѳинской республикѣ и пишетъ намъ письма, подобныя только что прочитанному передъ нами.

Всякому понятно, что въ приведенномъ отрывкѣ многое допускаетъ распространеніе. Демосѳенъ отъ него удержался. Также всякому понятно, что послѣдняя мысль въ этой простой формѣ производитъ больше эффекту, нежели какое бы то ни было краснорѣчивое разглагольствованіе. Припомнимъ еще съ какой энергичной простотой начинается его знаменитая рѣчь о вѣнкѣ, и какъ онъ отдѣлываетъ своего врага Эсхина:

Эсхинъ въ этомъ дѣлѣ имѣетъ предо мною два великихъ преимущества Во первыхъ, наши опасности неодинаковы: я рискую гораздо большимъ, лишаясь вашего благоволенія, нежели онъ, не торжествуя въ своемъ обвиненіи. Я рискую... но лучше воздержаться отъ зловѣщихъ словъ въ началѣ рѣчи; онъ же, напротивъ, ничего не теряетъ, если не выиграетъ этого дѣла. Другое его преимущество заключается въ томъ, что человѣкъ по натурѣ своей съ удовольствіемъ слушаетъ обвиненіе и обиду и лишь съ трудомъ переноситъ защиту и похвалу. То, что обыкновенно нравится, выпало на долю моего противника; что почти всегда не нравится, выпало теперь на мою долю. Если изъ чувства страха не стану утруждать вашего вниманія разсказомъ о моихъ заслугахъ, я лишусь возможности опровергнуть упреки Эсхина и доказать свои права на награду, которой онъ желаетъ меня лишить. Съ другой стороны,

если я стану распространяться о моей жизни, то буду вынужденъ говорить о себѣ. Я постараюсь сдѣлать это съ крайней осторожностью, и то, что я вынужденъ буду сказать о себѣ, по существу дѣла правильно будетъ поставить въ упрекъ не мнѣ, а тому, кто заставилъ меня оправдываться.

Рѣчь въ сильномъ стилѣ Демосѳена всегда производитъ большее впечатлѣніе, нежели манера Цицерона со всей ея красотой и великолѣпіемъ. Филиппики Демосѳена и теперь способны былибы произвести такой же эффектъ при обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находилась тогда Греція. Между тѣмъ краснорѣчіе Цицерона, хотя и блещущее красотой, часто переходитъ въ декламацію, слишкомъ далекую отъ современной манеры обсуждать важныя дѣла.

Однако и подражаніе Демосѳену представляетъ нѣкоторыя неудобства. Съ Цицерономъ вы можете впасть въ пустое словоизліяніе, съ Демосѳеномъ вы рискуете впасть въ сухость. Лучше всего--вдохновляться обоими, твердо памятуя при этомъ, что сжатость выше водянистости, что амплификація въ большихъ дозахъ важный недостатокъ, если она касается только словъ. Истинное же распространеніе сюжета, углубленіе его, развитіе подробностей можетъ быть только рекомендуемо.

Какъ и во всякомъ дѣлѣ здѣсь важно упражненіе. Послѣднее состоитъ въ томъ, что вы сравниваете сочиненное вами съ тѣмъ, что сказали о томъ же предметѣ хорошіе ораторы. Сначала такое сравненіе обезкураживаетъ: вы видите полноту и зрѣлость мыслей, предъ которыми написанное вами кажется ничтожнымъ и мелкимъ. Но оно въ тоже время пришпориваетъ, заставляетъ мысль работать, показывая, что́ можно было бы сказать при большей внимательности. Нечего и говорить о томъ чувствѣ удовлетворенія, которое вы испытываете, когда встрѣтитесь. Поупражнявшись нѣкоторое время, вы почувствуете, какъ ваши силы растутъ, вашъ кругозоръ расширяется благодаря такому соревнованію.

ГЛАВА III.

Антитеза.

Если мы станемъ, читая великихъ ораторовъ, разлагать механизмъ ихъ фразы, то скоро придемъ къ тому заключенію, что силу и блескъ ихъ стилю придаетъ *антитеза*.

Антитеза есть существенное явленіе въ процессѣ изложенія мыслей, ею не только исчерпываются идеи, но и удваиваются.

Нѣкоторые опредѣляютъ антитезу, какъ сопоставленіе двухъ истинъ, освѣщающихъ одна другую, какъ противопоставленіе двухъ мыслей, пріобрѣтающихъ рельефность одна отъ другой.

Возьмемъ слѣдующую антитезу Монтеня:

Вельможи даютъ мнѣ много, когда ничего у меня не отнимаютъ, и дѣлаютъ мнѣ достаточно добра, когда не дѣлаютъ мнѣ никакого зла.

Здѣсь имѣются двѣ мысли, которыя не только освѣщаются взаимно, но которыя вытекаютъ одна отъ другой. Антитеза есть способъ созданія идей посредствомъ противоположенія, искусство извлекать изъ мысли ея противоположность и, такимъ образомъ, создать серію контрастовъ и противоположеній. Апостолъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ.

Здѣсь также можно констатировать возникновеніе второй мысли благодаря первой; каждая вторая мысль уже содержится въ первой.

Искусство антитезы такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы однимъ ударомъ сдѣлать два камня, изъ коихъ каждый можетъ быть опять превращенъ въ два и т. д. Антитеза составляетъ силу отвлеченнаго стиля. Даръ антитезы есть первое, что должно быть усвоено всякимъ, кто желаетъ образовать свой стиль вообще, не только ораторскій,—усилить свой талантъ, умножить средства вдохновенія. Какъ сказалъ Мармонтель, великія мысли обыкновенно принимаютъ форму антитезы. Антитеза это та рѣка, которая питала всѣхъ лучшихъ ораторовъ и древнихъ и новыхъ временъ, начиная отъ еврейскихъ пророковъ. Ея употребленіе такъ важно въ краснорѣчіи, что греки дѣлили исторію своей риторики на три эпохи: 1) эпоху нагроможденія идей рядомъ, 2) эпоху антитезы и 3) эпоху періода. Многимъ анитеза кажется подозрительной вслѣдствіе ея легкости. Дѣйствительно, долгое употребленіе ея даетъ возможность безъ всякихъ усилій развить предметъ, усилить эффектъ. Хотя это обстоятельство легко ведетъ къ увлеченіямъ и злоупотребленіямъ, однако оно еще не обезцѣниваетъ антитезы, которая была и остается главнымъ рессурсомъ вдохновенія. Если у васъ нѣтъ настроенія, если мысль не приходитъ, испробуйте это средство. Вы можете приступать къ дѣлу разными путями; развивайте антитезу изъ столкновенія словъ, представляйте двѣ противоположныя мысли въ видѣ двухъ безконечныхъ параллелей, дайте симметрическое расположеніе малыхъ контрастовъ,—это все равно: эффектъ одинъ и тотъ же.

Нарисованный вами портретъ будетъ лишь тогда рельефенъ, будетъ портретомъ, непохожимъ на сотни другихъ, когда вы антитезами укажете, чѣмъ именно его черты отличаются отъ другихъ.

Сравненіе двухъ сюжетовъ есть одинъ изъ видовъ антитезы, правда, изъ самыхъ легкихъ и наименѣе похвальныхъ видовъ, ибо у неопытныхъ ораторовъ оно стремится къ уничтоженію подобныхъ чертъ, къ преувеличенію непохожихъ, къ замѣщенію естественныхъ контрастовъ и оттѣнковъ вымышленными. Нужно остерегаться сравненій рѣзкихъ. Доводя антитезу до крайности, вы впадаете въ шаржъ, въ игру словъ, вы пускаете въ ходъ ложныя мысли, все, что вы пишете и говорите, носитъ печать искусственности и ребячества. Не противопоставляйте словъ между собою, ни же словъ вещамъ; противопоставляться должны только идеи.

Частыя злоупотребленія дискредитировали антитезу, выродившуюся въ нѣкую софистику, и многіе доселѣ не признаютъ за ней основного фактора стиля, искусства оплодотворять мысли. Они говорятъ, что антитеза состоитъ только въ извѣстныхъ грамматическихъ оборотахъ, въ извѣстномъ расположеніи словъ и что поэтому не имѣетъ ничего общаго съ мыслью. Еще Паскаль выразился, что пишущіе антитезами похожи на тѣхъ, которые рисуютъ ложныя окна для симметріи. Но все это относится къ ложнымъ, неестественнымъ антитезамъ; истинная же антитеза составляетъ интегральную часть мысли; ее должно усвоить какъ извѣстный оборотъ ума; она должна вытекать изъ сюжета логически, естественно, въ силу необходимости. Поле антитезы необъятно; оно заключаетъ въ себѣ всякія сочетанія словъ, аллитерацію, параллелизмъ, симметрію фразъ, періодъ. Объ антитезѣ въ игрѣ остроумія см. „Даръ Слова“, вып. 6: „Искусство острить“.

ГЛАВА IV.

Эпитеты.

Выразительные эпитеты представляютъ отличительное качество большихъ талантовъ отсутствующее у посредственностей. Удачный эпитетъ можетъ придать самому незначительному слову чрезвычайную яркость. Нужно, однако, остерегаться эпитетовъ шаблонныхъ, нужно умѣть не увлекаться поэтическимъ и музыкальнымъ очарованіемъ, которое онѣ придаютъ фразѣ. Необходимо отличать теоретическую сторону вопроса отъ практической. Цѣль эпитета состоитъ въ томъ, что онъ рельефнѣе очерчиваетъ, ограничи-

ваетъ или раскрашиваетъ существительное. Поэтому логика вещей требуетъ, чтобы сначала стояло существительное, а потомъ прилагательное. Русскій языкъ, однако, помѣщаетъ обыкновенно прилагательное передъ существительнымъ, а такъ какъ русскія склоненія чрезвычайно богаты падежными окончаніями, то возникаютъ нѣкоторыя неудобства для ораторовъ, подыскивающихъ слова во время самой рѣчи. Ораторъ сначала произнесъ эпитетъ въ женскомъ родѣ, но потомъ онъ нашелъ болѣе подходящее существительное мужскаго рода и вынужденъ повторить снова тотъ же эпитетъ въ мужскомъ родѣ для согласованія съ только что пришедшимъ въ голову существительнымъ. Практически выходятъ изъ этого затрудненія двоякимъ образомъ: или стараются ставить по возможности существительное раньше прилагательнаго, или достигаютъ такой гибкости рѣчи (путемъ усвоенія синонимовъ), что для каждаго понятія имѣются наготовѣ слова различныхъ родовъ или перифразы.

Красота описанія зависитъ главнымъ образомъ отъ выбора эпитетовъ, красокъ. Но эпитетъ долженъ прибавлять идею къ слову, которое онъ опредѣляетъ, или по крайней мѣрѣ увеличить силу его обыкновеннаго значенія. Среди эпитетовъ, въ настоящее время шаблонныхъ, невыразительныхъ, имѣются такіе, которые когда-то были вполнѣ у мѣста и производили впечатлѣніе, но вслѣдствіе долгаго повторенія стали шаблонными, вывѣтрились. Посредственные ораторы, мало работающіе надъ нахожденіемъ собственныхъ, оригинальныхъ эпитетовъ, берутъ ихъ пригоршнями изъ сочиненій классическихъ поэтовъ и ораторовъ, считая ихъ главной основой возвышеннаго. Эти эпитеты придаютъ рѣчи своего рода вздутость, возвышаютъ ее надъ обыкновенной прозой, но, не прибавляя ничего къ изображенію описываемаго, загромождаютъ только стиль. Между тѣмъ какъ счастливо выбранный эпитетъ иногда даетъ цѣлую картину; одно слово рисуетъ воображенію цѣлую сцену. Поэтому ораторъ долженъ руководствоваться при выборѣ эпитетовъ собственнымъ чутьемъ. Эпитетъ долженъ быть такого рода, чтобы слушатели не могли предугадать его. Можно руководствоваться такимъ правиломъ: эпитетъ, не необходимый для ясности, силы, цвѣта или гармоніи, и который не играетъ чувствительной роли въ періодѣ, подлежитъ изгнанію. Выбрасывайте его, какъ плеоназмъ, какъ паразитъ, ибо эпитетъ ослабляетъ идею, если не способствуетъ ея усиленію.

Эпитетами могутъ служить не только прилагательныя, но и существительныя, если они опредѣляютъ данное понятіе, хотя существительныя представляютъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ противно законамъ благозвучія нагромождать рядомъ два или больше родительныхъ падежей. Правда, изъ этого есть выходъ: родительный падежъ замѣняется другой формой, а къ существительнымъ приставляются для благозвучія прилагательныя, но эти выходы, какъ совершенно искусственные, но всегда возможны и умѣстны.

Резюмируя все сказанное, находимъ: не должно злоупотреблять эпитетами; должно употреблять только эпитеты новые, характерные, поражающіе, непредвидѣнные.

Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ о цѣнности всѣхъ разсмотрѣнныхъ риторическихъ фигуръ. Никто не станетъ отрицать, что простота стиля у всѣхъ вообще писателей есть добродѣтель, и добродѣтель очень рѣдкая. Есть писатели, непризнающіе риторики стиля, есть, наоборотъ, писатели, слогъ которыхъ постоянно пластиченъ и сочень. Иные не дѣлаютъ никакихъ усилій для стиля, не вырабатываютъ никакихъ антитезъ, не создаютъ метафоръ или словъ, не заботятся о риторическомъ эффектѣ; вы у нихъ найдете лишь то, что подсказывается простымъ инстинктомъ рѣчи, и тѣмъ не менѣе они великолѣпны. Нѣкоторыхъ писателей упрекаютъ въ томъ, что они злоупотребляютъ формами, сближеніями и контрастами; что они замаскировываютъ антитезами и всякій риторикой банальныя идеи. Въ отвѣтъ можно сказать, что риторика не помѣшала великимъ ораторамъ древности быть великими. Если перемѣщеніе одного слова создаетъ оттѣнокъ; если существуютъ контрасты, усиливающіе эффектъ; если существуетъ искусство представлять свою мысль въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ; если имѣется безконечное количество комбинацій въ способѣ представленія идеи; если, наконецъ, существуютъ конструкціи, обладающія большей силой, нежели другія,—то это значитъ, что существуютъ извѣстные пріемы рѣчи, существуетъ риторика стиля. Естественное и риторическое должно совпадать, ибо, въ сущности говоря, и естественность есть искусство, только перешедшее въ привычку. Путемъ постоянныхъ усилій можно достигнуть того, чтобы исчезъ всякій признакъ усилія. Это тотъ идеалъ, къ которому долженъ стремиться всякій ораторъ. Ораторскій талантъ есть, правда, способность врожденная, но онъ развивается путемъ упражненій, путемъ изученія механизма рѣчи у великихъ ора-

торовъ. Въ этомъ смыслѣ и должно понимать слова Цицерона: oratores fiunt, poetae nascuntur —„ораторомъ дѣлаются, поэтомъ рождаются“. Но это изученіе не должно переходить въ простое подраженіе. Воспринимая духъ разработанной классической рѣчи, ораторъ долженъ много работать въ этомъ направленіи надъ выработкой собственной рѣчи и собственныхъ пріемовъ.

ГЛАВА V.

Произношеніе.

Писанное слово относится къ произнесенному, какъ гравюра къ той картинѣ, которую она передаетъ: какъ бы гравюра ни была мастерски сдѣлана, она не дастъ точнаго понятія о мысли художника, ибо ей не достаетъ красокъ. Точно также, писанной рѣчи не достаетъ выраженія живого слова, и поэтому-то живое слово безконечно дѣйствительнѣе писаннаго. Всякій способенъ говорить, но не всякій способенъ *хорошо* говорить, т. е. ясно, отчетливо, выразительно, словомъ такъ, чтобы его слова, уже какъ таковыя, производили хорошее впечатлѣніе независимо отъ мысли, ими выражаемой. Способность говорить, даръ слова присущъ каждому, какъ даръ хожденія. Но, подобно тому, какъ многіе люди ходятъ некрасиво, такъ многіе не умѣютъ красиво говорить. И подобно тому какъ большинство людей научаются красиво держать свое тѣло лишь путемъ упражненій, такъ для того, чтобы хорошо говорить, надо въ этомъ упражняться. Но такъ какъ рѣчью передаются мысли, слѣдовательно, нѣчто духовное, то говореніе не есть просто тѣлесная способность, оно— искусство.

Обыкновенный способъ говоренія есть разговоръ, гдѣ рѣчь переходитъ отъ одного изъ собесѣдниковъ къ другому [1]). Но лишь только въ меньшемъ или большемъ кругу говоритъ одинъ, а другіе слушаютъ, разговоръ переходитъ въ ораторскую рѣчь [2]). Уже въ предѣлахъ разговора можетъ развиться своего рода ораторская рѣчь, когда напримѣръ, одинъ развиваетъ свою мысль въ болѣе или менѣе подробной формѣ. Но высшей ступени ораторская рѣчь достигаетъ, когда кто нибудь призванъ говорить предъ большой аудиторіей какъ напр. депутатъ, проповѣдникъ, про-

---

[1]) О немъ мы говорили во второмъ выпускѣ „Дара Слова“.

[2]) Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, выражающаго нѣмецкое Vortrag; говорятъ: „держать рѣчь“, „держать слово“. Въ этомъ смыслѣ мы употребляемъ выраженіе „ораторская рѣчь“ и просто „рѣчь“.

фессоръ, адвокатъ, гласный, ораторъ на обѣдѣ, въ засѣданіи и т. п. Въ этихъ случаяхъ цѣль рѣчи достигается вполнѣ только при условіи:—хорошо говорить.

Если рѣчь есть искусство, она должна имѣть и свою теорію, т. е. должны быть законы рѣчи. Теорія близкаго къ рѣчи искусства—пѣнія давно разработана; искусство говоритъ разработано менѣе и пользуется меньшимъ вниманіемъ въ обществѣ, о чемъ стоитъ пожалѣть. Въ жизни мы замѣчаемъ множество скверныхъ привычекъ при говореніи, какъ заиканіе, пришепетываніе, излишняя быстрота произношенія, проглатываніе слоговъ, невнятность, вообще, нечистое произношеніе. Когда при этомъ вспомнимъ, что въ наше время умѣніе говорить въ обществѣ становится все болѣе и болѣе принадлежностью и признакомъ образованнаго человѣка, то не требуется особыхъ доказательствъ въ пользу того, что должно обратить серьезное вниманіе на искусство говорить.

Ученіе о произношеніи встрѣчаетъ большое препятствіе въ слѣдующемъ: здѣсь рѣчь идетъ объ интонаціи, о тонѣ голоса; описать-же тонъ и даже приблизительно опредѣлить его—нельзя. Чтобы научиться хорошо говорить, нужно сначала пріучить ухо къ различенію тоновъ, нужно научиться хорошо слушать. Поэтому слушать хорошихъ ораторовъ, актеровъ, чтецовъ гораздо полезнѣе въ смыслѣ ознакомленія съ искусствомъ говорить, нежели вызубрить сотни учебниковъ и теорій.

Главныя требованія, предъявляемыя къ оратору со стороны произношенія, сводятся къ слѣдующимъ:

1) внятность и чистота произношенія,

2) правильное подчеркиваніе и оттѣненіе отдѣльныхъ слоговъ, словъ и предложеній (интонація)

и 3) красота рѣчи.

Что касается *внятности*, то большинство людей говоритъ невнятно только потому, что не обращаютъ должнаго вниманія на свое произношеніе. Для нихъ достаточно быть понятными. Говоря небрежно, они тѣмъ самымъ усваиваютъ множество скверныхъ привычекъ. Вслѣдствіе этой небрежности гласныя произносятся нечисто, согласныя не выговариваются съ надлежащей рѣзкостью, въ рѣчи допускаются провинціализмы, какъ аканіе, оканіе, цоканіе, дзеканіе и проч.

Первое условіе, чтобы научиться чисто и внятно говорить, это пріучить ухо къ различенію звуковъ рѣчи, къ различенію

тонкихъ особенностей въ словахъ, звучащихъ схоже. Нужно сначала научиться отличать правильное произношеніе отъ неправильнаго. Разъ ухо привыкло, языку легче достигать требуемой ясности.

Мѣриломъ правильности произношенія является правописаніе. Русское правописаніе, въ отличіе отъ французскаго или англійскаго, основано на томъ совершенно правильномъ принципѣ, что буква должна покрывать собой звукъ. Основныя черты русской фонетики и отношеніе правописанія къ произношенію прекрасно разработаны въ трудѣ Я. Грота „Русское Правописаніе", куда мы и отсылаемъ нашихъ читателей.

Небрежное говореніе ведетъ къ нѣкоторымъ дурнымъ привычкамъ, которыя иногда поддаются излѣченію путемъ упражненій.

На первомъ планѣ стоитъ **заиканіе**, какъ очень важный недостатокъ, лишающій человѣка возможности вообще выступать передъ публикой. Ранѣе думали, что заиканіе есть слѣдствіе неправильности органовъ рѣчи, но теперь признано, что въ большинствѣ случаевъ оно является результатомъ внушенія,или, вѣрнѣе, самовнушенія, именно: *будто заикающійся не умѣетъ говорить.* Число заикающихся особенно увеличивается въ школѣ; боязливыя и разсѣянныя дѣти вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ ними становятся заиками, и ихъ примѣръ дѣйствуетъ потомъ заразительно. Опасность заразиться такъ велика, что было время, когда заикающихся дѣтей изолировали отъ другихъ.

Въ тотъ моментъ, когда заикѣ надо говорить, въ немъ возникаетъ чувство страха, будто онъ не можетъ говорить, и въ результатѣ онъ, дѣйствительно, говорить не можетъ. Зло увеличивается, когда на заику обращено всеобщее вниманіе; въ противномъ случаѣ оно совершенно исчезаетъ. Существуетъ много методовъ лѣченія отъ заиканія.

Никакіе медикаменты, электрическіе токи и операціи языка не помогаютъ. Самыми дѣйствительными средствами являются: вѣра паціента въ врача и упражненія въ дыханіи и произношеніи звуковъ. Часто упражненія эти оказываются лишними: достаточно пріучить ребенка (въ дѣтскомъ возрастѣ лѣченіе идетъ наиболѣе успѣшно) къ опредѣленному кадансу въ рѣчи или къ медленному говоренію. Читать и говорить онъ долженъ по возможности безъ удареній, съ нѣкоторымъ удлиненіемъ начальной гласной или гласной перваго слога. Важно дѣлить предложенія на малыя части, дабы облегчить заикѣ чтеніе и пріучить его къ началамъ предложеній. Постепенно переходятъ къ чтенію съ удареніями и къ пересказу прочитаннаго; послѣ этого его заставляютъ отвѣчать на вопросы. Отъ разсказа еще далеко до свободнаго разговора, но разъ заикѣ удалось безъ остановокъ говорить съ постороннимъ, онъ пріобрѣтаетъ увѣренность въ своихъ силахъ и можетъ считаться излѣченнымъ. Рекомендуется начинать предложеніе всегда удлиненіемъ гласной, или вдохнуть воздухъ носомъ либо полуоткрытымъ ртомъ. Впослѣдствіи, по излѣченіи, отъ этого должно отвыкать. Упражненія въ произношеніи звуковъ начинаютъ съ гласныхъ, причемъ переходъ отъ одной гласной къ другой дѣлается по знаку учителя; затѣмъ переходятъ къ согласнымъ, причемъ демонстрируютъ легчайшій способъ произношенія ихъ.

Подъ косноязычіемъ вообще разумѣется или невозможность артикулировать всѣ, многіе либо отдѣльные звуки, либо невозможность правильно ихъ произносить, или замѣщеніе извѣстныхъ, для даннаго субъекта трудныхъ согласныхъ другими, болѣе легкими. Мы говоримъ „согласныхъ", ибо косноязычіе касается главнымъ образомъ ихъ, тогда какъ гласныя произносятся неправильно лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Косноязычіе никогда не сопровождается судорогами голосовыхъ или дыхательныхъ органовъ; оно наступаетъ постоянно и равномѣрно при каждомъ процессѣ говоренія; оно никогда не обусловливается психическими аффектами и поэтому обнаруживается одинаково при всякихъ обстоятельствахъ, чѣмъ оно отличается отъ заиканія.

Какъ образецъ упражненія въ произношеніи звуковъ при косноязычіи, мы даемъ упражненія въ буквѣ *м.* Упражненія для другихъ буквъ производятся аналогичнымъ способомъ.

Предварительныя замѣчанія

1. Чтобы произнести звукъ *м*, губы сжимаются и воздухъ выталкивается въ носовой каналъ.

2. Упражненія 5—9 предполагаютъ, что остальные звуки произносятся паціентомъ правильно; если этого нѣтъ, то упражняются только въ произношеніи тѣхъ слоговъ, согласныя которыхъ произносятся нормально и только впослѣдствіи, по пріобрѣтеніи соотвѣтствующихъ способностей, заучиваются пропущенные ряды. Это относится и къ слѣдующимъ таблицамъ.

3. Должно упражняться въ чтеніи таблицъ ежедневно въ продолженіе 1—1½ часовъ.

4. Должно обращать вниманіе на громкое и медленное подчеркиваніе слоговъ и словъ.

Упражненія въ буквѣ м.

1.

Изученіе и повторное произношеніе этого звука.

2.

Му-мо-ми-мэ-ма-мѣ[1])-мы-мя-мю.

3.

Ум-ам-им-эм-ам-ѣм-ым-ям-юм.

4.

Мюм мам-ним-мэм-мам-нѣм-мям.

5.

Бум-бом бим-бэм-бам-бѣм-бым-бям-бюм.
Пум-пом-пим-пэм-пам-пѣм-пым-пям-пюм.
Вум-вом-вим-вэм-вам-вѣм-вым-вям-вюм.
Фум-фом-фим-фэм-фам-фѣм-фым-фям-фюм.
Нум-ном-ним-нэм-нам-нѣм-ным-ням-нюм.

---

[1]) Звукъ *ѣ* произносится мягко (е), э—твердо.

Дум-дом-дим-дэм-дам-дѣм-дымъ-дям-дюм.
Тум-том-тим-тэм-там-тѣм-тым-тям-тюм.
Сум-сом-сим-сэм-сам-сѣм-сым-сям-сюм.
Зум-зом-зим-зэм-зам-зѣм-зым-зям-сюм.
Шум-шом-шим-шэм-шам-шым.
Лум-лом-пим-лэм-лам-лѣм-лым-лям люм.
Рум-ром-рим-рэм-рам-рѣм-рым-рям-рюм.
Гум-гом-гим-гэм-гам-гѣм-гым-гям-гюм.
Кум-ком-ким-кэм-кам-кѣм-кым-кям-кюм.

6.

Мну-мно-мни-мнэ-мна-мнѣ мны-мня-мню.
Млу-мло-мли-млэ-мла-млѣ-млы-мля-млю.
Мру-мро-мри-мрэ-мра-мрѣ-мры-мря-мрю.

7.

Миръ-миѳъ-мѣлъ-малъ-мисъ-Марѳа-мартъ-мозгъ-море-умру-мутно-младъ-мнѣніе сомнѣніе.

Упражненія противъ шепелявости.

А. Упражненія въ произношеніи звука с.

1.

Изученіе его и произношеніе.

Чтобы образовать звукъ с, мы кончикъ языка сближаемъ съ нижними зубами, оставляя тамъ узенькій промежутокъ, чрезъ который выталкивается воздухъ.

2.

С-с-с с-с-с с-с-с-с-с-с и т. д.

3.

С-а, с-а, с-а, с-а, с-а, с-а, с-а и т. д.

4.

А-с, а-с, а-с, а-с, а-с, а-с, а-с и т. д.

5.

С-у, с-о, с-и, с-э, с-а, с-ѣ, с-ы, с-ю, с-я.

6.

У-с, о-с, и-с. э-с, а-с, ѣ-с, ы-с, ю-с, я-с.

7.

Сс-у, сс-о, сс-и, сс-э, сс-а, сс-ѣ, сс-ы, сс-ю, сс-я.

8.

У-сс, о-сс, и-сс, э-сс, а-сс, ѣ-сс, ы-сс, ю-сс, я-сс.

Примѣчанія: 1. Послѣ объясненія и демонстраціи образованія звука *с*, паціентъ долженъ привести кончикъ языка въ физіологическое положеніе и затѣмъ стараться сблизить оба ряда зубовъ и держать ихъ сомкнутыми. Звукъ въ этомъ случаѣ удается гораздо легче, нежели съ открытымъ ртомъ. Последнее положеніе должно быть принимаемо впослѣдствіи, когда звукъ станетъ образовываться съ большей вѣрностью.

2. При этомъ упражененіи долженъ произноситься только звукъ *с* безъ всякихъ гласныхъ.

3. Упражненія подъ № 3 обозначаютъ: с-а т. е. звукъ, открываніе рта и произношеніе а (*съа*). При открываніи рта нужно каждый разъ обращать вниманіе, чтобы положеніе языка не измѣнилось, и чтобы слѣдующій за нимъ звукъ произносился такъ же отчетливо, какъ и предшествовавшій.

4. Въ упражненіяхъ подъ № 4 сначала произносится гласный звукъ, затѣмъ ротъ закрывается и произносится согласная.

5. Въ упражненія подъ №№ 5 и 6 гласная произносится послѣ образованія согласной и открыванія рта или наоборотъ.

6. Упражненія подъ №№ 7 и 8 должно понимать такъ: сс-у т. е. удлиненный звукъ с, умѣренное раскрытіе рта и перенесеніе звука на послѣдующую гласную. Это упражненіе есть преддверіе къ послѣдующему упражненію въ произношеніи слоговъ; пока еще слоги не должны быть произносимы. Упражненія у-сс и пр. обозначаютъ: длительное произношеніе гласнаго, умѣренное раскрытіе рта и распространеніе звука на *с* безъ образованія при этомъ слога.

7. Эта таблица должна быть повторяема ежедневно въ продолженіе одного часа, причемъ для разнообразія вмѣсто *съ* можно всюду произносить *сь*.

Б. Отдѣльныя упражненія.

1.

Повторительное упражненіе въ звукѣ *с*.

2.

Су-со-си-сэ-са-сѣ-сы-ся-сю.

3.

Ус-ос-ис-ас-эс-ѣс-ыс-яс юс.

4.

Сус-сос-сис-сэс-сас-сѣс-сыс-сяс-сюс.

5.

Мус-мос-мис-мэс-мас-мѣс-мыс-мяс-мюс.

Бус-бос бис-бэс-бас-бѣс-быс-бяс-бюс.

Пус-пос-пис-пэс-пас-пѣс-пыс-пяс-пюс.

Вус-вос-вис-вэс-вас-вѣс-выс-вяс-вюс.

Фус-фос-фис-фэс-фас-фѣс-фыс-фяс-фюс.

Нус-нос-нис-нэс нас-нѣс-ныс-няс-нюс.

Дус-дос-дис-дэс-дас-дѣс-дыс дяс-дюс.

Тус-тос-тис-тэс тас-тѣс-тыс-тяс-тюс.

Лус-лос-лис-лэс-лас-лѣс-лыс-ляс-люс.

Рус-рос-рис-рэс-рас-рѣс-рыс-ряс-люс.

Гус-гос-гис-гэс-гас-гѣс-гыс-гяс-гюс.

Кус-кос-кис-кэс-кас-кѣс-кыс-кяс-кюс.

6.

Сму-смо-сми-смэ-сма-смѣ-смы-смя-смю.

Спу-спо-спи-спэ-спа-спѣ-спы-спя-спю.

Сну-сно-сни-снэ-сна-снѣ-сны-сня-сню.

Сту-сто-сти-стэ-ста-стѣ-сты-стя-стю.

Слу-сло-спи-слэ-сла-слѣ-слы-сля-слю.

Ску-ско-ски-скэ-ска-скѣ-скы-скя-скю.

Спру-спро-спри-спрэ-спра-спрѣ-спры-спря-спрю.

Стру-стро-стри-стрэ-стра-стрѣ-стры-стря-стрю.

Сплу-спло-спли-сплэ-спла-сплѣ-сплы-спля-сплю.

Примѣчаніе. Эта таблица послѣ повторенія предыдущей должна быть разучиваема впродолженіи 1—1½ часовъ ежедневно (также съ произношеніемъ *сь*). Предъ началомъ каждаго упражненія должно многократно упражняться въ образованіи буквы *с*.

Упражненія противъ картавости.

1. Изученіе звука *р*.

Звукъ *р* образуется тѣмъ, что языкъ приподнимается къ верхнимъ деснамъ и приводится въ дрожаніе, причемъ вдоль его образуется углубленіе, по которому проходитъ воздухъ. Этотъ дрожащій *р* существенно отличается отъ гортаннаго *р*, которымъ картавящіе стараются его замѣнить [1]).

2.

Р-р-р-р-р-р-р-р-р и т. д.

3.

А-р, а-р, а-р, а-р, а-р, а-р и т. д.

4.

Р-а, р-а, р-а, р-а, р-а, р-а и т. д.

5.

У-р, о-р, и-р, э-р, а-р, ѣ-р, ы-р, я-р, ю-р.

6.

Р-у, р-о, р-и, р-э, р-а, р-ѣ, р-ы, р-я, р-ю.

7.

У-рр, о-рр, и-рр, э-рр, а-рр, ѣ-рр, ы-рр, я-рр, ю-рр.

8.

Рр-у, рр-о, рр-и, рр-э, рр-а, рр-ѣ, рр-ы, рр-я, рр-ю.

Примѣчанія: 1. Для правильнаго образованія зубного *р* необходимы слѣдующія предварительныя упражненія: послѣ обычнаго объясненія и демонстраціи картавящій долженъ стараться держать языкъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ верхнихъ десенъ и кончикъ языка поднять къ нему такимъ образомъ, чтобы верхняя поверхность языка была вогнута, а свободный конецъ былъ способенъ дрожать. Послѣ этого упражняющійся глубоко вдыхаетъ и выталкиваетъ воздухъ по кончику языка, чѣмъ достигается дрожащій звукъ.

2. При этомъ упражненіи обращаютъ вниманіе паціента, что дрожать долженъ только кончикъ языка, а не другія части языка.

3. Во всѣхъ упражненіяхъ подъ №№ 2—8, картавящій не долженъ произносить готовый звукъ *р* и еще меньше слогъ *ре* и т. д., ибо эти упражненія имѣютъ единственною цѣлью подготовить языкъ путемъ усиленной гимнастики къ послѣдующему образованію звука.

---

[1]) Эта замѣна замѣчается въ нѣкоторыхъ иностранныхъ діалектахъ особенно Парижа и Прованса (грасированіе). Китайскій языкъ совсѣмъ не знаетъ дрожащаго *р*, замѣняя его, какъ и многіе изъ картавыхъ, звукомъ *л*.

4. Въ ряду, приведенномъ подъ № 3, сначала произносится гласный *а*, а затѣмъ приступаютъ къ вибраціи *р*; въ № 4 наоборотъ сначала исполняется вибрація *р*, затѣмъ ротъ открывается и, наконецъ, произносится звукъ *а*.

5. Въ упражненіяхъ подъ №№ 5 и 6 то же исполняется со всѣми гласными; въ упражненіяхъ подъ №№ 7 и 8 дрожаніе производится дольше.

6. Вышеприведенная таблица разучивается ежедневно въ теченіе одного часа съ промежутками.

Таблица II.

1.

Повторительное упражненіе въ произношеніи *р*.

2.

Ур-ор-ир-эр-ар-ѣр-ыр-яр-юр

3.

Ру-ро-ри-рэ-ра-рѣ-ры-ря-рю.

4.

Мур-мор-мир-мэр-мар-мыр-мѣр-мяр-мюр.

Бур-бор-бир-бэр-бар-быр-бѣр-бяр-бюр.

Пур-пор-пир-пэр-пар-пыр-пѣр-пяр-пюр.

Вур-вор-вир-вэр-вар-выр-вѣр-вяр-вюр.

Фур-фор-фир-фэр-фар-фыр-фѣр-фяр-фюр.

Нур-нор-нир-нэр-нар-ныр-нѣр-няр-нюр.

Дур-дор-дир-дэр-дар-дыр-дѣр-дяр-дюр.

Тур-тор-тир-тэр-тар-тыр-тѣр-тяр-тюр.

Сур-сор-сир-сэр-сар-сыр-сѣр-сяр-сюр.

Шур-шор-шир-шер-шар-шыр.

Лур-лор-лир-лэр-лар-лыр-лѣр-ляр-люр.

Гур-гор-гир-гэр-гар-гыр-гѣр-гяр-гюр.

Кур-кор-кир-кэр-кар-кыр-кѣр-кяр-кюр.

5.

Рур-рор-рир-рэр-рар-рѣр-рыр-ряр-рюр.

6.

Бру-бро-бри-брэ-бра-брѣ-бры-бря-брю.

Пру-про-при-прэ-пра-прѣ-пры-пря-прю.

Фру-фро-фри-фрэ-фра-фрѣ-фры-фря-фрю.

Вру-вро-âри-врэ-вра-врѣ-вры-вря-врю.

Дру-дро-дри-дрэ-дра-дрѣ-дры-дря-дрю.

Тру-тро-три-трэ-тра-трѣ-тры-тря-трю.

Шру-шро-шри-шрэ-шра-шрѣ-шры-шря-шрю.

Гру-гро-гри-грэ-гра-грѣ-гры-гря-грю.

Кру-кро-кри-крэ-кра-крѣ-кры-кря-крю.

Стру-стро-стри-стрэ-стра-стрѣ-стры-стря-стрю.

Спру-спро-спри-спрэ-спра-спрѣ-спры-спря-спрю.

Примѣчанія. 1. При образованіи слоговъ подъ №№ 2 и 3 сначала нужно стараться звукъ *р* немного продолжить противъ обыкновеннаго; впослѣдствіи, однако, должно избѣгать этого умышленнаго протяженія.

2. Тоже самое должно сказать и о слогахъ, приведенныхъ подъ № 4; послѣ каждаго ряда должно отдыхать нѣкоторое время, дабы не слишкомъ утомлять язычныхъ мускуловъ.

3. Нужно стараться очень протяжно произносить замкнутые слоги № 5.

4. Подъ № 6 *р* находится въ серединѣ; образованіе его удается обыкновенно скорѣе и лучше, нежели начальнаго *р;* но если возникаютъ затрудненія въ произношеніи, то не мѣшаетъ между согласными вставить какую нибудь краткую гласную, напр. *э—бэра,* чтобы затѣмъ при постепенномъ упражненіи эту гласную выбросить.

5. Таблица II прилежно разучивается безъ предшествующихъ повтореній впродолженіе часа ежедневно.

Нервные недостатки голоса и рѣчи.

У переутомленныхъ и нервныхъ людей рѣчь можетъ стать неясной, могутъ даже наступить задержки въ произношеніи буквъ замѣна отдѣльныхъ согласныхъ другими, какъ мы это встрѣчаемъ иногда у совершенно здоровыхъ людей въ состояніи разсѣянности или утомленія. Подобные недостатки голоса и рѣчи излѣчиваются только путемъ лѣченія ихъ причины, т. е. неврастеніи.

Интонація. Легко замѣтить, что всякій человѣкъ правильно интонируетъ въ обыкновенной своей рѣчи, давая живое выраженіе своему настроенію и чувству. Это значительно облегчаетъ нашу задачу, ибо невозможно передать на бумагѣ, какъ выражается то или другое настроеніе (радость и печаль, любовь и ненависть, угроза и просьба и т. д.), какъ достигнуть того, чтобы рѣчь ваша звучала наставительно, таинственно, хвастливо, дружественно, строго, горько, иронически. Мы предполагаемъ это извѣстнымъ читателю изъ повседневной практики. Здѣсь мы только замѣтимъ, что интонація живой рѣчи въ значительной мѣрѣ помогаетъ грамматикѣ, совершенно не знающей способовъ для выраженія настроеній. Напримѣръ, когда мы говоримъ: *Ваня идетъ,* одинаково интонируя оба слова, то сообщаемъ фактъ. Если мы возвысимъ тонъ второго слова, то получимъ *Ваня идетъ?*— вопросъ. Грамматика тоже знаетъ форму для выраженія вопроса: *идетъ-ли Ваня?* но мы, въ живой рѣчи, въ таковой формѣ не нуждаемся [1]). Стоитъ только, какъ говорятъ, *подчеркнуть* (голо-

---

[1]) Уже въ выпускѣ I мы говорили о важности знаковъ препинанія, представляющихъ указатели интонацій, но число этихъ знаковъ такъ незначительно въ сравненіи съ многообразіемъ интонацій, что о нихъ можно совсѣмъ не говорить: это капля въ морѣ.

сомъ) одно изъ этихъ словъ: „*Ваня* идетъ“, и получится тотъ смыслъ, что изъ многихъ, могущихъ идти, идетъ именно Ваня. Подчеркнемъ второе слово: „Ваня *идетъ*“, и получимъ цѣлый рядъ мыслей. Во первыхъ, противорѣчіе, если вы усомнились въ его способности идти либо прійти или отрицаете это; здѣсь также возможно указаніе, что онъ не ѣдетъ, не скачетъ, не бѣжитъ, а именно идетъ; можетъ быть, здѣсь указывается на то, что Ваня (какъ дитя или вслѣдствіе болѣзни) болѣе не лежитъ, а получилъ возможность владѣть ногами. Если эти отношенія еще можно какъ нибудь передать на письмѣ (путемъ подчеркиванія, курсивомъ, шпаціями), то вы уже никакъ не передадите на письмѣ ни строжайшаго приказанія, ни горечи разлуки, ни насмѣшки надъ противникомъ и т. п., тѣмъ болѣе, что и въ предѣлахъ этихъ настроеній возможны различныя ступени отъ болѣе рѣзкаго къ менѣе рѣзкому.

Письменная рѣчь была-бы гораздо непонятнѣе, если-бы мы путемъ долгаго упражненія не научались мысленно дополнять отсутствующую на письмѣ интонацію; въ большинствѣ случаевъ мы это дѣлаемъ совершенно инстинктивно. Привычка многихъ людей читать вслухъ, даже если они одни, должна быть отнесена именно на счетъ потребности восполнять интонацію, безъ которой иныя предложенія непонятны.

Если-бы всѣ слова въ предложеніи читались одинаковымъ тономъ, то получилась-бы непріятная монотонность. Въ разговорѣ и, слѣдовательно, чтеніи, которое должно воспроизводить разговоръ, этого не бываетъ, такъ какъ тонъ постоянно то опускается, то поднимается. *Поднимается* тонъ на самомъ главномъ, *опускается* при окончаніи мысли, а остальныя слова стоятъ въ *основномъ тонѣ* говорящаго или читающаго. Въ простомъ утвердительномъ предложеніи тонъ спускается на послѣднемъ словѣ или, вѣрнѣе, понятіи, напр.: „мы работаемъ на открытомъ воздухѣ“, „мы его за это благодарить должны“. Если предложеніе состоитъ изъ многихъ словъ, то опусканіе тона совершается не постепенно, по мѣрѣ приближенія къ концу, а только на послѣднемъ понятіи. Люди, не владѣющіе дыханіемъ, опускаютъ тонъ по мѣрѣ уменьшенія воздуха въ легкихъ, а послѣднія слова длиннаго предложенія и совсѣмъ проглатываютъ. Противъ этого крайне важнаго въ ораторѣ недостатка существуетъ два средства: 1) вдыхать свѣжій воздухъ при всѣхъ паузахъ (знакахъ препинанія), отнюдь не дожидаясь полнаго истощенія воздуха въ легкихъ, дѣ-

лать это, однако, незамѣтно для слушателя и 2) нѣсколько напрячь легкія къ концу предложенія, дабы тонъ не падалъ. Но самое вѣрное средство—это, разумѣется, научиться владѣть дыханіемъ, выдыхая понемногу.

Что касается тонированія различныхъ словъ въ предложеніи, то слова, выражающія понятія, т. е. существительныя, прилагательныя, глаголы и большая часть нарѣчій тонируются обыкновенно сильнѣе, нежели слова, выражающія отношеніе или форму. При этомъ нужно замѣтить, что болѣе сильный тонъ, которымъ выдѣляются понятія, не есть удареніе; разница въ силѣ тона между отдѣльными словами состоитъ лишь въ томъ, что слова, выражающія отношенія нѣсколько отступаютъ отъ основного тона, въ которомъ произносятся понятія. Этотъ *основной тонъ* обусловливается отчасти силой голоса говорящаго, отчасти помѣщеніемъ, въ которомъ рѣчь произносится, отчасти большей или меньшей возбужденностью оратора, т. е. содержаніемъ рѣчи. Такимъ образомъ, и самый основной тонъ представляетъ нѣчто измѣнчивое, но, усиливаясь и ослабѣвая, переходя отъ громкаго взыванія къ тихому шопоту, онъ всетаки остается основнымъ тономъ, который опредѣляетъ остальныя ступени.

Въ настоящей книжкѣ, разсматривающей всякіе вопросы ораторской рѣчи, мы не можемъ удѣлить слишкомъ много мѣста разбору того, какія слова и въ какихъ предложеніяхъ стоятъ въ основномъ тонѣ, какія стоятъ ниже основного тона на одну ступень и какія на двѣ ступени; разборъ этотъ, имѣющій высокій научный интересъ, едва-ли можетъ претендовать на практическое значеніе, если онъ не будетъ свабженъ многочисленнными упражненіями, чего мы здѣсь дать не можемъ. Въ свое утѣшеніе мы можемъ сказать, что большинство людей инстинктивно знакомо съ этими законами изъ повседневной практики, а для тѣхъ, кому они не знакомы, будетъ полезнѣе внимательно прослушать хорошаго оратора или актера, нежели долговременное и во всякомъ случаѣ нелегкое занятіе теоріей рѣчи. Поэтому въ вопросѣ о тонированіи считаемъ возможнымъ ограничиться этими общими указаніями, чтобы перейти къ столь же важному для оратора вопросу о красотѣ рѣчи, вопросу, оставляющему большее поле для всякихъ совѣтовъ и указаній.

Первое условіе для достиженія *красоты рѣчи* есть соотвѣтствующій голосъ. Необходимыя качества его составляютъ: благозвучіе, сила, выдержка и гибкость. Благозвученъ голосъ, ко-

торый и не слишкомъ высокъ, и не слишкомъ низокъ. Оттѣнокъ баритона—самый пріятный для рѣчи. Затѣмъ, голосъ долженъ обладать ясностью, не долженъ быть хриплымъ, грубымъ, а долженъ звучать полно, долженъ имѣть то, что у пѣвцовъ называется металломъ. Ясный, полнозвучный голосъ самъ по себѣ привлекаетъ слушателей и легко говоритъ сердцу. Эти качества даются, собственно, природой, но путемъ постоянныхъ упражненій можно ихъ отчасти пріобрѣсть. Сила голоса заключается въ способности говорить очень громко, имѣть полное выраженіе для самой шумной страстности, заполнять большія помѣщенія и быть понятнымъ даже подъ открытымъ небомъ. Выдержка голоса состоитъ въ способности говорить долго съ неуменьшающейся силой. Путемъ соотвѣтствующихъ упражненій можно достигнуть прекрасныхъ результатовъ. Гибкость голоса заключается въ томъ, что онъ способенъ выразить всѣ многообразныя ощущенія, чувства, настроенія, порывы. Голосъ гибокъ, когда онъ способенъ подняться отъ самыхъ тихихъ, нѣжныхъ тоновъ до высшей силы. Далѣе, голосъ гибокъ, когда онъ способенъ измѣнить свою естественную окраску. Гибкость голоса достигается и совершенствуется путемъ упражненія.

Легкость рѣчи принадлежитъ также къ необходимымъ качествамъ хорошаго оратора. Человѣкъ является господиномъ рѣчи, когда самыя трудныя слова и словосочетанія не составляютъ для его языка никакихъ препятствій: языкъ не заплетается, рѣчь не останавливается. Въ извѣстныхъ случаяхъ требуется быстрая рѣчь, которая также обусловливается легкостью произношенія. Но быстрота не должна вредить отчетливости, почему и должно соблюдать правильный темпъ, соразмѣряемый отчасти съ помѣщеніемъ, которое требуется заполнить, отчасти съ содержаніемъ произносимаго. Чѣмъ больше помѣщеніе, которое нужно заполнить оратору, тѣмъ медленнѣе онъ долженъ говорить, дабы звукъ имѣлъ время распространиться въ потребной мѣрѣ. Но, при медленномъ и громкомъ говореніи нужно остерегаться перехода въ поющій тонъ, къ чему особенно легко увлекаютъ сводчатыя помѣщенія, имѣющія эхо. Сила тона соразмѣряется съ помѣщеніемъ; слишкомъ тихая рѣчь вредитъ отчетливости, а слишкомъ громкая производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Самый темпъ часто обусловливается темой рѣчи; комическое требуетъ быстроты, страстное—живости, возвышенное—медленности.

Правильное дыханіе требуетъ отъ оратора исключительнаго вниманія. Когда мы говоримъ, мы вдыхаемъ скорѣе, а выдыхаемъ медленнѣе, нежели при молчаніи. Каждое вдыханіе обусловливаетъ паузу, перерывъ въ теченіи рѣчи. Этотъ перерывъ не можетъ быть сдѣланъ произвольно на любомъ мѣстѣ рѣчи, но дозволенъ лишь тамъ, гдѣ это допускается сочетаніемъ словъ. Такими мѣстами служатъ либо большія паузы въ концѣ періодовъ, либо малыя паузы, раздѣляющія предложенія внутри періода. Этими паузами, т. е. своевременными перерывами, достигается и ясность рѣчи, такъ какъ отдѣльныя части ея расчленяются, какъ слѣдуетъ. Основное правило заключается въ томъ, что дыханіе не должно быть слышно. Начинающіе ораторы часто грѣшатъ противъ этого правила; это зависитъ отъ того, что они забираютъ слишкомъ мало воздуха. Если въ концѣ длиннаго предложенія оказывается недостатокъ въ воздухѣ, то послѣднія слова предложенія выходятъ тише и неясно, или же наступаетъ потребность въ тяжеломъ и громкомъ дыханіи. Надо вдыхать всюду, гдѣ рѣчь это дозволяетъ, и воздухъ въ легкихъ никогда не долженъ быть использованъ до послѣдней капли. Нужно умѣть дышать *произвольно*, не будучи вынуждену къ этому необходимостью. Особенно много воздуху требуется при чтеніи страстныхъ вещей, и поэтому такое чтеніе требуетъ особеннаго вниманія. Когда пѣвецъ, разучиваетъ пѣснь, онъ тщательно отмѣчаетъ себѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ долженъ вдыхать; оратору, особенно на первыхъ порахъ, не мѣшаетъ слѣдовать этому примѣру, ибо обнаруживать дыханіе для оратора столь же великій грѣхъ, какъ и для пѣвца. Что касается паузъ, то онѣ не должны быть ни слишкомъ длинны, такъ какъ утомятъ, ни слишкомъ коротки, такъ какъ лишатъ слушателей возможности слѣдить за мыслью.

Чтеніе стиховъ. Доказано, что стихъ знаетъ лишь двѣ ступени; слоги не ударяемые и слоги ударяемые. Такъ какъ стихи вообще представляютъ болѣе изысканную, а часто и болѣе благородную форму рѣчи, то они требуютъ и отъ читающаго болѣе изысканнаго, приподнятаго тона. Но этимъ не слѣдуетъ увлекаться. Правильный ритмъ стиха имѣетъ формальный, почти музыкальный тактъ; нельзя этотъ тактъ подчеркивать съ большей силой, нежели онъ самъ себя опредѣляетъ. Слоги должно произносить въ ихъ ритмическомъ соотношеніи. не слишкомъ выдвигая ударяемые на счетъ неударяемыхъ. Стихи должны сами обнаруживать свой размѣръ. Если ухо слушателя развито такъ

мало, что оно не въ состоянiи слышать стихотворнаго размѣра, то никакая „скандовка“ не сдѣлаетъ этого яснѣе. Въ концѣ стиха не должно дѣлать перерывовъ, если они не требуются строенiемъ продолженiя. Конецъ стиха обусловливается законами метрики, а перерывъ или легкая пауза зависитъ только отъ строенiя рѣчи. Также не слѣдуетъ подчеркивать риѳмы, какъ бы желая сдѣлать ее понятнѣе читателю. Риѳма—украшенiе стиха; кто ея не слышитъ, тотъ вообще лишенъ слуха, и никакой чтецъ ему не поможетъ. О стихахъ см. „Даръ Слова“ вып. VIII.

Окраска тона (Tonfarbe]. Нѣжность, гнѣвъ, состраданiе, презрѣнiе и вообще чувства человѣка выражаются опредѣленной окраской тона, которая такъ выразительна и ясна, что мы уже изъ нея можемъ заключить, какимъ образомъ воодушевленъ говорящiй, даже если слова его для насъ непонятны. Эти окраски до безконечности разнообразны и образуютъ различныя ступени. Возрастъ, полъ, темпераментъ отдѣльныхъ людей обусловливаютъ различные оттѣнки. Такъ какъ тонъ вообще не можетъ быть опредѣленъ или описанъ, то невозможно составить перечня всѣхъ многообразныхъ окрасокъ. Различаютъ серьезный тонъ и легкiй, спокойный и живой, холодный или сухой и теплый и пр. Соединенiе различныхъ тоновъ даетъ новые оттѣнки. Вопросъ въ томъ, гдѣ эти окраски примѣнять. Здѣсь все дѣло зависитъ отъ содержанiя рѣчи. Если рѣчь содержанiя *дидактическаго*, то въ большинствѣ случаевъ достаточно, чтобы она была произнесена спокойно, ясно, правильно, въ извѣстномъ темпѣ. Ибо цѣль оратора убѣдить, доказать. Впрочемъ, въ дидактическую рѣчь могутъ входить и элементы эпическiй и лирическiй, тогда должны примѣняться и средства послѣднихъ. *Эпическое* сочиненiе сообщаетъ случившееся, событiя, поступки; *лирическое* излагаетъ настроенiе, чувства, ощущенiя поэта. Эпическое сочиненiе сообщаетъ случившееся внѣ поэта, а лирическое—случившееся внутри поэта. Но часто эти два рода смѣшиваются; лирикъ сообщаетъ случившееся или случающееся, дабы къ этому присоединить свои ощущенiя, а эпикъ сообщаетъ чужiя ощущенiя, дабы изобразить причины поступковъ. *Драма* обнимаетъ всѣ три рода произведенiй, и поэтому она – самый совершенный родъ. Содержанiе ея—дѣйствiе, слѣдовательно, случившееся или случающееся; она изображаетъ ощущенiя и страсти, изъ коихъ вытекаютъ поступки дѣйствующихъ лицъ, она даетъ размышленiя объ этихъ поступкахъ, слѣдовательно, она—и эпосъ, и лирика, и дидактика. Какъ

драма есть высшій родъ поэзіи, такъ и высшій родъ произнесенія есть драматическое представленіе, гдѣ ко всѣмъ средствамъ рѣчи присоединяется еще краснорѣчіе тѣлесныхъ движеній, жестовъ и минъ.

Эпическое имѣетъ нѣсколько ступеней. Сообщеніе даетъ просто фактъ. Если нѣсколько фактовъ соединились въ происшествіе, мы получаемъ разсказъ. Если разсказчикъ хочетъ подѣйствовать на фантазію слушателей, онъ переходитъ къ описанію и художественному изображенію. Онъ сообщаетъ не только фактъ, что нѣчто случилось, но и отдѣльныя обстоятельства, какъ это случилось. Въ длинномъ эпическомъ сочиненіи сообщеніе, разсказъ и изображеніе перемѣшаны.

Этимъ родамъ эпическихъ сочиненій соотвѣтствуютъ различные способы произношенія. Сообщенія передаются спокойнымъ тономъ, ясно и отчетливо. Въ разсказѣ тонъ постепенно дѣлается живѣе, еще больше въ художественномъ изображеніи, куда можетъ примѣшаться полное лирическое выраженіе. Далѣе эпика и лирика совпадаютъ.

ГЛАВА VI.

Ораторская лихорадка (Redefieber).

Удивительно, какія глубокія нарушенія дѣятельности организма производитъ въ насъ эта лихорадка, какъ тяжело сохранить передъ публикой тонъ, манеры и силу убѣжденія, которыми мы обладаемъ въ обществѣ друзей или въ семейномъ кругу. Кто не видалъ образованныхъ, казалось бы, вполнѣ уравновѣшенныхъ людей стоящими, какъ рекруты, съ болтающимися руками, съ печально опущеннымъ лицомъ и невыразимо страдающими отъ собственной рѣчи, полной всевозможныхъ поправокъ и остановокъ! Иные очень милые разсказчики анекдотовъ, когда они въ тѣсномъ кругу друзей— останавливаются въ торжественной рѣчи посреди предложенія и стоятъ, какъ пни, красные, съ открытымъ ртомъ, напрасно ища слова, оборота, повторяя четыре—пять разъ упавшимъ голосомъ одно и то же, хватаясь за столъ или цѣпочку часовъ, какъ за якорь спасенія.

Самая частая причина ораторской лихорадки, какъ и вообще неудачныхъ попытокъ говорить въ обществѣ, есть неправильный способъ усвоенія рѣчи. Хуже всего перспектива для начинающаго оратора, когда онъ хочетъ произнести написанную чужой

рукой рѣчь или чужое стихотворенiе. Здѣсь матерiалъ остается всегда въ извѣстной мѣрѣ чуждымъ оратору; мысли не перешли къ нему въ плоть и кровь, онѣ не достаточно живы, онѣ ему самому кажутся какой то мозаикой, случайно, механически связанными, безъ внутренней надобности. Онъ самъ принялъ-бы, вѣроятно, другое расположенiе ихъ. Поэтому ораторъ, особенно начинающiй, долженъ остерегаться повторенiя чужихъ рѣчей. Онъ долженъ самъ разработать и записать свою рѣчь, ибо, какъ учитъ опытъ, гораздо легче выучить наизусть и сохранить въ памяти то, что мы сами продумали и изложили: оно, въ нѣкоторомъ родѣ, плоть отъ плоти нашей. Поэтому нужно сначала основательно продумать тему; нужно твердо установить расположенiе мыслей въ самомъ естественномъ для насъ порядкѣ. Нужно выяснить себѣ съ полной ясностью всѣ подробности, не расчитывая на то, что онѣ потомъ сами явятся. Импровизацiи удаются только тѣмъ, которые много думали о разныхъ вопросахъ, составили себѣ твердо продуманныя мнѣнiя, имѣютъ богатый запасъ лично ими составленныхъ выраженiй: при удобномъ случаѣ они, въ видѣ импровизацiи, и пускаютъ въ ходъ эти мысли и эти выраженiя.

Если работа при составленiи рѣчи почему либо остановилась, то лучше отложить ее на другой разъ, нежели заполнять пробѣлы искусственными, вымученными предложенiями. Только когда продолженiе прерванныхъ мыслей приходитъ естественно, безъ поисковъ, можно сѣсть за столъ и продолжать работу. Это конечно, не значитъ, что вы не можете вставлять новыя идеи или замѣнять одни обороты другими, болѣе соотвѣтствующими характеру рѣчи, по окончанiи процесса составленiя ея. Во всякомъ случаѣ въ извѣстный моментъ записанная на бумагѣ рѣчь должна имѣть совершенно законченный видъ, такъ чтобы не нужно было ничего прибавлять.

Процессъ запоминанiя рѣчи долженъ быть всегда законченъ за два дня до открытаго выступленiя. Иные ораторы думаютъ, что они будутъ въ наиболѣе благопрiятномъ положенiи, если выучатъ рѣчь наизусть въ самый послѣднiй моментъ. Но это невѣрно. Только что полученныя впечатлѣнiя, правда, сохраняются въ памяти лучше, но за то здѣсь исключена возможность вставокъ, и при малѣйшемъ затрудненiи теченiе рѣчи останавливается, слова, которыя могли-бы замѣнить забытое или оказавшееся неумѣстнымъ, приходятъ съ большимъ трудомъ, появляются тѣ непрiят-

ныя и для слушателей и для оратора паузы, заполняемыя глотками воды, вытираніемъ очковъ, покашливаніемъ или совсѣмъ неэстетическимъ сморканіемъ.

Послѣдніе часы предъ произнесеніемъ рѣчи никогда не слѣдуетъ заполнять изученіемъ ея наизусть. Въ предпосдѣдній день до выступленія изученіе должно быть закончено. Кто затѣмъ еще разъ наканунѣ прочтетъ конспектъ въ полномъ спокойствіи, можетъ спокойно взирать на грядущій день.

Самое подходящее время для заучиванія—несомнѣнно утренніе часы, но здѣсь играетъ большую роль привычка и оставшіяся отъ школьныхъ дней наклонности. Въ этомъ отношеніи каждый долженъ сообразоваться съ собственной натурой, равно какъ въ мелкихъ побочныхъ обстоятельствахъ, какъ хожденіе по комнатѣ при изученіи, куреніе и т. п. Однако нужно стараться отвыкнуть отъ поздней ночной работы. Кто обременяетъ свою память тяжелой работой въ очень поздніе часы, даетъ себѣ двойной трудъ: 1) впечатлѣнія остаются очень поверхностными, такъ какъ чувства наполовину осилены сномъ, а 2) работа должна быть начата снова на слѣдующее утро, такъ какъ память сохранила лишь отдѣльные отрывки.

Большая и очень распространенная ошибка состоитъ въ томъ, что ораторъ старается запоминать каждое слово, каждую частицу. Кто къ этому привыкъ, можетъ быть увѣренъ, что никогда не избавится отъ ораторской лихорадки. Слишкомъ точное запоминаніе порождаетъ само по себѣ извѣстный страхъ и дѣлаетъ память безсильной. Свободная, непринужденная рѣчь становится невозможной; говорящій обращаетъ вниманіе только на послѣдовательность словъ, смотритъ все время въ лежащій предъ нимъ конспектъ и внутреннимъ окомъ читаетъ текстъ его. Страхъ предъ внезапной остановкой не оставляетъ тогда оратора во все продолженіе рѣчи, онъ самъ собою сообщается слушателямъ и очень часто ведетъ къ катастрофѣ.

Странная вещь: ораторы, которые не стараются заучивать свои рѣчи слово въ слово, всегда имѣютъ во время произнесенія ея въ своемъ распоряженіи новые обороты и новыя слова, такъ что вполнѣ гарантированы отъ непріятной остановки. Болѣе того, такой ораторъ отступаетъ по разнымъ соображеніямъ отъ установленнаго имъ текста не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ цѣлыхъ предложеніяхъ, и этимъ становится теплѣе и краснорѣчивѣе. Онъ можетъ это дѣлать потому, что движется не въ

строго ограниченной, механически вызубренной области, а на широкомъ пространствѣ глубоко продуманныхъ мыслей. Онъ училъ не слова, не періоды, а взвѣшивалъ идеи. Онъ въ каждый моментъ обнимаетъ взоромъ весь кругъ своихъ мыслей, которыя тѣснятся другъ къ другу; онъ можетъ ихъ переставлять въ любомъ порядкѣ, строить изъ нихъ всевозможныя зданія, и слушатели сразу замѣтятъ, что онъ не повторяетъ вызубренное, не говоритъ памятью, а *творитъ*, говоритъ изъ сердца. Для этого не должно составлять сложныхъ и запутанныхъ періодовъ: они всегда стѣсняютъ „свободу передвиженія" оратора, заставляя его думать не только о содержаніи, но и о формѣ.

Такъ какъ при правильномъ способѣ запоминанія, прежде всего приходится будить мысль, то громкое заучиваніе, изученіе вслухъ, должно быть признано нецѣлесообразнымъ. Громкое изученіе—наслѣдіе школьной зубрежки; голосъ слишкомъ напрягается, и ухо невольно привыкаетъ къ извѣстнымъ сочетаніямъ звуковъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ полезно, а большей частью влечетъ рабское повтореніе текста и дѣлаетъ невозможнымъ свободныя вставки.

Рѣчь, тщательно обдуманная, письменно закрѣпленная и хорошо усвоенная во всѣхъ своихъ архитектурныхъ линіяхъ, можетъ вторично родиться на каѳедрѣ. Ораторъ не привязанъ къ своему тексту, какъ каторжникъ къ тачкѣ, ему нечего безпокоиться о послѣдовательности словъ, ему не приходится мямлить или комкать предложенія. Онъ болѣе не похожъ на канатнаго плясуна, который падаетъ, лишь только оступился, онъ покоится на широкомъ фундаментѣ хорошо продуманныхъ мыслей. Вмѣсто чувства страха, мучительно дѣйствующаго на начинающихъ, наступаетъ полное овладѣніе предметомъ, чѣмъ устанавливается благотворное чувство спокойствія за свою судьбу. Такой ораторъ не придетъ въ замѣшательство, даже когда у него дѣйствительно не достанетъ слова или нить мыслей прервется. Благодаря частому упражненію человѣкъ достигаетъ такой опытности, что не можетъ выйти изъ теченія рѣчи. Недостающее слово просто и естественно замѣняется другимъ, хотя, можетъ быть, и болѣе общимъ, или послѣдняя мысль повторяется другими словами. Ходъ мыслей незамѣтно возвращается въ свое теченіе, и нѣтъ надобности изъ замѣшательства прибѣгать къ обычнымъ ораторскимъ уловкамъ, для заполненія паузъ, уловкамъ, которыя уже рѣшительно никого не обманутъ. Даже преднамѣренное отклоненіе отъ конспекта въ такихъ случаяхъ не только возможно, но и полезно.

ГЛАВА VII.

Передъ рѣчью.

Непосредственно передъ рѣчью возбужденіе и ораторская лихорадка достигаютъ высшей степени. Нерѣдко развивается ясно выраженное чувство страха, біеніе пульса учащается, сердце бьется сильнѣе, ротъ и глотка высыхаютъ, члены неспокойно двигаются туда и сюда и дрожатъ какъ-бы отъ холода, наступаетъ судорожная зѣвота и внезапное потѣніе. Но этимъ нервныя нарушенія еще не закончены. Наступаетъ безпрестанный позывъ къ мочеиспусканію, который всегда долженъ быть удовлетворенъ и никоимъ образомъ не задержанъ. Выраженіе лица обнаруживаетъ особенное напряженіе мускуловъ, языкъ неподвиженъ, игра минъ и произношеніе словъ затруднены. Обыкновенно эта лихордка прекращается лишь тогда, когда ораторъ начинаетъ слышать собственный голосъ, и застѣнчивость таетъ предъ огнемъ собственныхъ словъ, какъ снѣгъ предъ солнцемъ. Но при этомъ требуется много опытности, упражненія, полнаго знакомства съ содержаніемъ рѣчи и слушателями.

Чтобы, по возможности, подавить лихорадку, очень рекомендуютъ начинающему выпить передъ рѣчью немного вина, однако, лишь въ томъ случаѣ, если онъ переноситъ алкоголь и привыкъ къ нему. Безъ послѣдняго условія вино принесетъ только вредъ.

Какъ только ораторъ достигъ каѳедры, онъ долженъ всячески остерегаться обращать вниманіе на публику. Слушатели для него больше не существуютъ. Онъ не долженъ видѣть минъ любопытства на лицахъ и обращенныхъ къ нему испытующихъ взоровъ, не долженъ слышать того своеобразнаго шопота, который словно дыханіе вѣтра по листьямъ, идетъ по рядамъ при каждой его остановкѣ. Онъ долженъ быть глухъ къ тому шуму, который производится толпою посредствомъ кашля и харканія, движенія и стука. Этотъ шумъ, который представляетъ для новичка множество помѣхъ, вполнѣ естественъ: немыслимо, чтобы большое количество людей, даже изъ лучшаго общества, могло оставаться долгое время вмѣстѣ, не давая о себѣ знать этимъ шумомъ. Между тѣмъ припадокъ кашля какой нибудь старой дамы можетъ подгадить молодому оратору весь успѣхъ его хорошо разсчитанной и искусно построенной риторической фигуры, и самый горячій подъемъ духа можетъ быть пониженъ жалчайщимъ образомъ вслѣдствіе паденія какой нибудь книги.

Этимъ объясняется, почему для начинающихъ близорукость

есть преимущество. Исторія ораторскаго искусства знаетъ не мало знаменитыхъ именъ, носители коихъ были совершенно лишены зрѣнія. Новичекъ уже при самомъ началѣ своей рѣчи не можетъ избавиться отъ извѣстнаго чувства угнетенности, когда его острый глазъ замѣчаетъ на сотняхъ лицъ напряженное вниманіе, и усиленное біеніе его сердца напоминаетъ ему, что онъ одинъ —цѣль всѣхъ этихъ взоровъ, перекрестный огонь которыхъ онъ долженъ выдержать. И если ему кажется, что подмѣтилъ въ первомъ ряду ироническую насмѣшку, враждебный взглядъ, то онъ теряется, и катастрофа близка. Близорукій ничего этого бояться не долженъ. Онъ спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, безстрастно смотритъ на свою публику, которая для него — одно туманное расплывчатое пятно. Онъ не въ состояніи ни узнать отдѣльныя личности, ни огорчаться мимикой какого нибудь строгаго критика. Прочность его положенія необыкновенно повышается этимъ обстоятельствомъ.

Чувство безопасности повышается у оратора значительно еще тогда, когда онъ знаетъ, что его голосъ во время рѣчи не будетъ хрипѣть. Существуютъ разныя снадобья, посредствомъ которыхъ можно до самого конца рѣчи держатъ голосъ чистымъ, звучнымъ и неослабшимъ [1]).

„Выходя на каѳедру, необходимо сдѣлать небольшую паузу передъ чтеніемъ, чтобы привлечь вниманіе аудиторіи". Таковъ практическій совѣтъ Легуве. Можетъ быть, это нужно не столько для привлеченія вниманія, сколько для успокоенія. Поэтому же нельзя начинать сразу громко и быстро.

Въ заключеніе этой главы мы настоятельно совѣтуемъ обращать особенное вниманіе именно на первую публичную рѣчь и какъ разъ здѣсь остерегаться несчастнаго исхода. Кто испыталъ катастрофу при первой рѣчи, тотъ долго ее не забудетъ. При второй и третьей попыткѣ страхъ и лихорадка обнаружаться еще въ сильнѣйшей степени, ибо къ естественной застѣнчивости присоединится еще воспоминаніе о первомъ непріятномъ случаѣ и причиненныхъ имъ мукахъ. Поэтому, при первой рѣчи должно особенно слѣдовать всѣмъ указаннымъ здѣсь правиламъ и лучше всего поприщемъ первоначальныхъ попытокъ выбирать малый

---

[1]) Такими средствами служатъ: 1) такъ называемый, гогель-могель: берутъ одинъ или два желтка и бьютъ ихъ съ одинаковымъ по вѣсу количествомъ измельченнаго леденц., пока не образуется пѣнистая масса. Иногда прибавляютъ немного рому; 2) англійскія желатиновыя лепешки и разныя продающіяся въ аптекакъ карамельки, которыя однако должно принимать съ выборомъ.

кругъ знакомыхъ и доброжелателей. Очень распространенныя въ частныхъ кружкахъ, пренія, которыя вообще, одобряемы быть не могутъ, могутъ оказаться весьма полезными въ качествѣ школы для молодыхъ ораторовъ.

ГЛАВА VIII.

Мимика. [1]).

Мины (на лицѣ) и *жесты* (руками, пальцами, плечами, ногами) представляютъ у оратора очень важное подспорье для выясненія своего духовнаго состоянія. Ими пренебрегать нельзя. Красивые жесты не только украшеніе для ораторскаго слова, они нерѣдко замѣняютъ, иллюстрируютъ, оттѣняютъ его. Только холодные, безстрастные, а можетъ быть, неубѣжденные ораторы могутъ говорить, какъ монахи, съ руками, смиренно сложенными на груди; убѣжденные, вдохновенные ораторы говорятъ всѣмъ существомъ своимъ, влагаютъ въ рѣчь не только душу, но и тѣло.

Мимика быстрѣе слова. Въ то время какъ разсудокъ обдумываетъ слова для выраженія своей воли и своихъ впечатлѣній; въ то время какъ сложный аппаратъ рѣчи превращаетъ свое возбужденіе въ звуки и слова—одно мимическое выраженіе, одинъ взглядъ, дрожаніе лицевого мускула уже сообщили намъ то, что впослѣдствіи должно подтвердить сказанное слово. Мимика выразительнѣе слова. Часто нѣмая просьба производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели самая громкая жалоба. Энергично произнесенный приказъ, часто остается невыслушаннымъ, въ то время какъ простого движенія достаточно, чтобы вызвать исполненіе.

Подобно тому какъ ораторъ долженъ въ совершенствѣ владѣть каждымъ звуковымъ оттѣнкомъ своего органа, такъ онъ долженъ твердо усвоить себѣ законы мимическаго выраженія.

Чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ въ смыслѣ порядочной мимики, требуется соблюдать только одно правило: остерегаться грубыхъ ошибокъ въ этой области. Такими ошибками являются прежде всего дурныя привычки: держать ротъ открытымъ и стремленіе уменьшить размѣры рта. Первое производитъ впечатлѣніе явной ограниченности, второе дѣлаетъ человѣка просто противнымъ.

---

[1]) Подробно о мимикѣ мы говоримъ въ пятомъ выпускѣ „Даръ Слова". Здѣсь приведены только общія свѣдѣнія.

Политика и этикетъ требуютъ, чтобы не обнаруживать своихъ мыслей и чувствъ игрою минъ; должно поэтому стараться быть безусловнымъ господиномъ лица, а кто не въ состоянiи достигнуть этого, пусть отраститъ себѣ бороду, такъ какъ она скрываетъ предательскiя мины и даже съ теченiемъ времени уменьшаетъ подвижность личныхъ мускуловъ.

Что касается искусственнаго образованiя минъ, то вотъ что говоритъ по этому поводу докторъ Ernst Schulz: почти невозможно указать средство противъ каждаго спецiальнаго случая некрасивой формы рта, способа его держанiя или движенiя: мы приведемъ здѣсь въ общихъ чертахъ нѣкоторые принципы, которыми каждый пусть пользуется по мѣрѣ надобности для приведенiя въ благообразный видъ своего органа рѣчи, который играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей при вступленiи человѣка въ общество. Прежде всего нужно обращать усиленное вниманiе на чистоту рта (конечно, со включенiемъ языка и зубовъ), должно полоскать ротъ водою не только утромъ и послѣ каждаго принятiя пищи, но должно еще чистить и губы. Послѣднее можетъ производиться и въ промежуточное время путемъ легкаго обтиранiя губъ носовымъ платкомъ, ибо постоянно находящаяся на губахъ жидкость, образующаяся при говоренiи и дыханiи, дѣлаетъ губы очень воспрiимчивыми къ находящимся въ воздухѣ пылинкамъ; такая чистка, при частомъ повторенiи, имѣетъ еще то достоинство, что доставляетъ большую свѣжесть слишкомъ блѣднымъ губамъ. Во вторыхъ, нужно стараться придать рту въ спокойномъ состоянiи прiятное, чуть-чуть закрытое, не сжатое и не раскрытое, выраженiе.

Это нормальное положенiе рта можно узнать, въ извѣстной мѣрѣ, чувствомъ, когда мы находимся въ наиболѣе прiятномъ веселомъ расположенiи духа, или когда мы въ живой бесѣдѣ только что закрыли ротъ. Но нужно остерегаться изучать передъ зеркаломъ прiятное положенiе рта; это дастъ нѣчто искусственное, и результатъ окажется прямо противоположнымъ тому, къ чему мы стремились. Но если кто тѣмъ не менѣе хочетъ сдѣлать зеркало своимъ критикомъ, то пусть смотрится въ тѣ моменты, когда онъ убѣжденъ, что принялъ указанное положенiе невольно, но и при этомъ нужно быть насторожѣ, чтобы не впасть въ аффектацiю и жеманство.

Что касается движенiй рта, то эти никогда не должны переходить мѣру при говоренiи, смѣхѣ, ѣдѣ и т. п., не должны быть

выполняемы слишкомъ быстро или рѣзко; въ особенности это не идетъ дамамъ, если онѣ къ тому еще при смѣхѣ издаютъ крикливые или визгливые звуки. Однако, нужно остерегаться и слишкомъ ревностнаго ограниченія движеній рта, именно при смѣхѣ, и особенно тогда, когда представился случай посмѣяться отъ всей души, что дѣлается при полномъ и безпрепятственномъ раскрытіи рта, причемъ юнымъ счастливицамъ представляется случай показать полный гарнитуръ своихъ прелестныхъ зубовъ.

Правда, зеркаломъ пренебрегать нельзя, но должно садиться предъ нимъ не для того, чтобы строить красивыя гримасы, но, чтобы въ немъ увидѣть, какія отвратительныя черты приняло наше лицо по небрежности или дурной привычкѣ. Образованіе лица основывается не столько на усвоеніи новыхъ пріятныхъ формъ, сколько на удаленіи дурныхъ, безобразящихъ и отвратительныхъ привычекъ. Можно прямо сказать, что громадное большинство встрѣчающихся въ жизни отвратительныхъ лицъ образовалось лишь вслѣдствіе недостаточнаго контроля надъ собой во время затвердѣнія очертаній.

Вообще, указываются три причины, служащія къ образованію некрасиваго выраженія лица: 1) естественное безсиліе при недостаточномъ развитіи мускуловъ лица; 2) усвоеніе отвратительныхъ чертъ въ обращеніи съ окружающей насъ средой, иногда умышленное, и 3) это слѣды, оставляемые на лицѣ человѣка страданіями, болѣзнями или не подвергавшимися контролю страстями.

Поэтому можно напередъ быть увѣреннымъ, что разъ мы нашли причину имѣющагося недостатка, мы сдѣлаемъ большой шагъ къ достиженію намѣченной цѣли уже простымъ устраненіемъ этой причины.

Отвыканіе, простое удаленіе отвратительнаго и неподобающаго уже очистить мѣсто нормальному положенію, подобно тому какъ отвыкнувъ отъ некрасивой походки или неловкаго держанія тѣла, мы этимъ самымъ невольно усваиваемъ лучшее.

Можно легко отучиться отъ непріятныхъ и некрасивыхъ минъ, если имѣть постоянно учителя, который не только указывалъ бы намъ на сдѣланныя ошибки, но еще смогъ-бы ихъ скопировать на собственномъ лицѣ; мы тогда тотчасъ узнаемъ нехорошее, и это одно будетъ для насъ достаточнымъ стимуломъ къ тому, чтобы путемъ устраненія его дать мѣсто болѣе пріятному

выраженію лица. Конечно, такое „зеркало" принесетъ больше пользы, нежели настоящее, бездушное зеркало.

Значительное искаженіе чертъ лица появляется при пѣніи. Пѣвцы и пѣвицы, желающіе посвятить себя сценѣ, вынуждены предпринимать свои упражненія по крайней мѣрѣ частью передъ зеркаломъ. До какой степени можетъ дойти отвратительность лицевыхъ гримасъ при отсутствіи контроля надъ собой передъ зеркаломъ, лучше всего можно видѣть на слѣпыхъ: просто смотрѣть нельзя отъ жалости, какъ эти несчастные при пѣніи кривятъ свое лицо, особенно, выводя ноты, которыя приводятъ ихъ въ нѣкоторое возбужденіе.

Одинъ врачъ разсказываетъ, что къ нему явился одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ съ просьбой указать ему средство дѣлать любезное лицо при пѣніи особенно высокихъ нотъ. Не только его друзья, но даже пресса указала на этотъ недостатокъ, который онъ самъ сознаетъ, но, не смотря на всѣ его старанія, ему не удалось до сихъ поръ избавиться отъ этой дурной привычки. Врачъ спросилъ его, упражнялся-ли онъ передъ зеркаломъ. „Конечно, отвѣтилъ онъ, я поднималъ вверхъ черты лица, именно брови, для любезнаго выраженія, но лишь только я начинаю пѣть и вхожу въ высокій регистръ, какъ онѣ падаютъ и образуютъ мрачнѣйшее выраженіе". „Тогда—сказалъ врачъ,—остается только одно средство: поддерживать пальцами непослушныя черты". Это предложеніе было сочтено кліентомъ за шутку, но когда совѣтъ былъ повторенъ серьезно, онъ рѣшилъ испробовать. Прошло нѣкоторое время, и можно было видѣть съ какой легкостью въ мимикѣ этотъ артистъ выводилъ на сценѣ труднѣйшія мѣста своего пѣнія. Какъ онъ потомъ самъ разсказывалъ, онъ сталъ слѣдовать этому совѣту, хотя онъ казался ему сначала комичнымъ, и скоро, къ своему изумленію, замѣтилъ, что когда онъ въ серединѣ пѣнія оставлялъ поддерживавшіяся по предписанію черты лица, онѣ оставались въ принятомъ положеніи. При дальнѣйшихъ упражненіяхъ этотъ фокусъ становился для него все легче, и теперь онъ можетъ при пѣніи даже самыхъ высокихъ тоновъ, принимать любую мину.

На этомъ мы считаемъ возможнымъ пока остановиться, такъ какъ самой мимикѣ, какъ средству для выраженія различныхъ состояній, посвященъ слѣдующій выпускъ нашего изданія.

КОНЕЦЪ.